

ЗАПАД ПРОТИВ ЗАПАДА. В ПОИСКАХ НОВОЙ ОПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»

Кто победил, и не оказалась ли победа пирровой.

Каждый язык богат на слова, которые обозначают абстрактные явления. Ими философы и экономисты, политологи и идеологи выражают разные понятия и описывают всевозможные концепции. В отличие от языка точных наук, где каждый термин строго определен, особенно если он используется в научном контексте, в повседневной речи и в языке гуманитарных наук с терминами обращаются весьма вольготно. Часто их вообще за термины не считают. Чем агрегатнее понятие, чем оно полисемантическое, тем выше риски смысловых манипуляций и логических ошибок, которые вытекают из связей, выстраиваемых на основе ложных толкований или подмены значений одного и того же слова.

К наиболее часто злоупотребляемым терминам относятся «либерализм», «свобода», «капитализм», «социализм», «равенство», «справедливость» или «эгоизм». В этот ряд органично вписывается одно из самых избитых понятий современного политологического, философского и экономического языка - «Запад». Речь, разумеется, не идет о географии, а об идеологии, ценностях и взаимоотношениях между человеком и государством, бизнесом и государством, человеком и бизнесом.

Семантическую путаницу увеличивает разные интерпретации понятий «Запад» и «West». Достаточно лишь набрать эти слова в поисковике Google и посмотреть, какими картинками они иллюстрируются. На первой же странице изображений слова «Запад» мы видим Ирак, солдата с автоматом, ведущих политиков США, забастовки и даже лидера Беларуси А. Лукашенко. Если же мы посмотрим картинки, которые соответствуют West, то на первых страницах увидим преимущественно красивые пейзажи, географические карты, современные здания и улыбающиеся лица на фоне исторических памятников или пейзажей. Так русское «Запад» в негеографическом контексте приобретает своеобразные коннотации, вытесняя традиционные для восприятия западного человека оттенки смысла.

В начале 1990-х развал системы советского тоталитаризма однозначно воспринимался, как победа Запада. Некоторые геополитики поспешили сделать вывод, что Запад победил окончательно и бесповоротно. Появлению такого мнения способствовал также кризис японской модели, которая в начале 1990-х не выдержала конкуренции с американской. Так что или кто победил? Структурно это США, ЕС, НАТО, ОЭСР, ОБСЕ, Совет Европы или, может, ООН? Идеологически это А. Рэнд, Л. Мизес, Ф. Хаек или Р. Нозик? Политически это лидеры, партии или НПО с последовательными взглядами классических либералов или либертарианцев?

Среди тех лидеров движений против тоталитаризма, а также политических структур, которые начали проводить системные реформы, единицы знали о существовании теории капитализма (отличной от интерпретаций МВФ, Всемирного банка или советников из mainstream заведений США и Европы). Европейский Союз и США до сих пор поводят активную протекционистскую политику, расширяя размер государства и увеличивая регуляторное бремя. Искать в среде международных организаций, которые занимаются проблемами развития демократии, типа ООН, ОБСЕ или ПАСЕ сторонников свободного рынка еще более бесполезное занятие.

В философском и идеологическом плане проиграли сторонники советского тоталитаризма и жестко централизованной плановой экономики. Даже те политические и научные структуры на Западе (географическом), которые в разной степени симпатизировали советскому коммунизму, вынуждены были модифицировать свои высказывания и взгляды, чтобы адаптировать их к вызовам конца XX – начала XXI века.

Однако формальное поражение коллективистов советского образца отнюдь не значило победу идеологов капитализма, свободного рынка и общества. До сих пор фамилия «Рэнд» воспринимается большинством в экспертном сообществе и среди

интеллигенции, как название американской организации Rand Corporation. Фамилию «Мизес» даже экономисты, не говоря уже о журналистах, пытаются расшифровать, как неизвестную аббревиатуру. Для преподавателей вузов и представителей академических кругов австрийская школа экономики, тем более философия А. Рэнд – это неизменно непримиримый, радикальный, революционный взгляд на проблемы теории и экономической политики. Определения «последовательный», «логичный» или «уникальный» для них не подходят. Так что о победе философов и теоретиков свободного человека и рынка не могло быть и речи. Тем более что до сих пор на вопрос «что является идеологией и философией капитализма», большинство отвечает «Взгляды Дж. Сороса, Дж. Гэлбрейта, Дж. Кейнса или К. Поппера».

Так что и кто победил советский тоталитаризм? Некий набор факторов, ресурсов и институтов, которые в сильно упрощенном журналистском представлении называется «Запад». Сторонники теории заговора видят в поражении советского тоталитаризма реализацию плана США и Ватикана, которые в определенный момент вошли в тактический союз с исламскими странами и «опустили» цены на нефть. Подгонять историю под ответ задним числом и создавать свой исторический «Код да Винчи» - дело популярное и прибыльное, но оно не имеет ничего общего с действительностью.

Запад представляется нам определенным набором ценностей, отношений и приоритетов. В течение 1980-х их носители при определенном стечении обстоятельств начали гораздо более активную деятельность. Запад проник в головы и души homo soveticus задолго до развала Советского Союза и социалистической системы Европы. Можно сказать, что он оттуда никогда не уходил. Был задавлен, придушен, репрессирован, но не умер. Носители «Запада» стремились к свободе, равенству и справедливости. Они хотели регулярно и качественно питаться, зарабатывать хорошие деньги, путешествовать, избавиться от страха говорить правду – мотиваций и желаний было очень много. К тому же, советская система даже за Железным занавесом не могла спрятать от своих граждан факт вопиющего отставания в экономической, технологической и социальной сферах. Инвестиционные ошибки и экологические катастрофы добавляли аргументов противникам тоталитарного централизованного плана.

Территория «проживания» Запада ценностного явно не совпадает с Западом географическим. Симпатизировавшие советскому строю французские, немецкие, английские или американские интеллектуалы, конечно, хотели гуманизации системы, мягкой трансформации социализма и превращения его в некую идеальную конструкцию третьего пути. Их с большой натяжкой можно отнести к Западу аксеологическому. Проживая на географическом Западе, они скорее разрушали систему свободного рынка и общества у себя дома, чем боролись против социализма тоталитарного.

После падения Берлинской стены они начали активную работу по продвижению очередной идеальной модели справедливого общества, которая, как оказалось, копировала основные институты и системы стран ЕС и США. Рекомендации и советы по социально-экономическим реформам выдавались в контексте доминирующей философии постмодернизма. Она сильно отличается от идеологии и базовых ценностей эпохи просвещения, которую многие ждали на постсоветском пространстве после многолетней доминации тоталитаризма.

Интеллектуальные и политические элиты постсоветских стран были слишком слабы, чтобы критически оценить повестку дня и рекомендации миссионеров из географического Запада, которые аксеологически были гораздо ближе к советской партхозноменклатуре, чем к последователям А. Смита, Ф. Бастиа, Е. Бем-Баверка или Ф. Хаека. Так Запад начал новый поход против Запада. Интервенционисты и коллективисты из Запада географического пошли в философскую и идеологическую атаку на Запад аксеологический, который «пятнами» начал появляться на постсоветском пространстве. Поскольку одно и то же клише использовалось для определения совершенно разных понятий, то людям очень трудно было установить реальные причинно-следственные связи. С одной стороны Запад принес политические и гражданские свободы, гласность, невиданное доселе обилие товаров, свободу перемещения (правда с серьезными визовыми ограничениями). С другой стороны, после того, как Запад пришел на постсоветское пространство, здесь появилась гиперинфляция, безработица, мафиозные структуры, богатые олигархи и жутко бедные нищие. Наркомания, проституция, аргументы в языке и СМИ, грубость в жизни – все это появилось после того, как Запад якобы принес

свободу людям, жившим в тоталитарных странах. «После того, значит, по причине того» - так рассуждали обыватели. Такую логику приняли многие интеллектуалы и идеологи, которые срочно бросились на поиск новой ниши занятости и самореализации. Запад миссионерский сам давал много аргументов против Запада ценностного. Политическая коррупция, агрессивная внешняя политика и военные конфликты, большое государство, монополия в системе образования, деградация института семьи, СПИД - все это использовалось против Запада.

Возникла проблема идентификации понятия «Запад». Образовался большой дефицит понимания происходящих событий в историческом контексте и в рамках известных экономических и социальных теорий. Появился спрос на новую систему ценностей, которая замесила бы моральный кодекс строителя коммунизма, программные установки комсомола и КПСС. К сожалению, ответ Запада ценностного на эти вызовы не был, да и не мог быть адекватным. У небольших групп экспертов и интеллектуалов, которые разделяли взгляды Ф. Хаека, Л. Мизеса, Г. Хаберлера, И. Кирзнера, не было ресурсных, информационных и политических возможностей стать образовательным и идеологическим mainstream. Нишу объяснений исторического контекста заняли геополитики. Они в понятных для обыкновенных людей и неискушенных политиков метафорах объяснили, как могущественные силы и политики могут передвигать фигуры, т. е. страны и континенты, по шахматной доске современного мира.

В ценностной вакуум стремительно бросились как так называемые традиционные религии, так и сотни разных сект и мистических течений. Они наперебой предлагали готовым к новому моральному кодексу людям панацеи, открывали чакры, презентовали кармы, обещали прощение грехов и счастье – как правило, в иной, светлой жизни. Запад географический, погрязший в постмодернизме и декадансе, противопоставил религиозному мистицизму моральный релятивизм, отрицание разума, достижения и научных знаний. Вудсток и хиппи, берлинский парад любви и лондонский гей парад стали символами, проявлениями этой культуры и идеологии. Запад географический пошел в атаку на те слабые ростки Запада аксеологического, который начал развиваться на постсоветском пространстве. Философия индивидуализма, достижения и разума, изложенная в романах и философских трудах Айн Рэнд и целого ряда других философов, осталась в небытие, где она и пребывала в Западе географическом.

Не меньшая сумятица была с выбором конкретных параметров экономической политики. На постсоветском пространстве господствовал Вашингтонский консенсус с искажениями разной степени в пользу так называемых национальных особенностей (за исключением Беларуси, которая после непродолжительного периода хаотичной либерализации пошла по пути восстановления тоталитарной системы). За стандартными фразами «стабилизация – либерализация – институциональные изменения» скрывались рекомендации воссоздания на постсоветском пространстве стандартной европейской модели welfare state. В результате западные (географически) эксперты и ученые-экономисты совершили против аксеологически западных политиков, экспертов и граждан, проживающих на постсоветском пространстве настоящую философско-идеологическую диверсию. Предложенные решения в области монетарной, фискальной, торговой, социальной и регуляторной политики исходили из того, что 1) в стране работает профессиональное, прозрачное, ответственное правительство в среде свободной политической конкуренции и свободного рынка СМИ, 2) функции государства непротиворечивы, четко определены и понятны для чиновников, 3) законы и нормативная база в целом непротиворечивы и не дискриминируют отдельных граждан и юридических лиц, 4) суды профессиональны, одинаково понимают смысл базового рыночного института – частной собственности – и работают по его защите и объективному разрешению споров и конфликтов, 5) полиция, таможня, силовые структуры работают строго в рамках закона и должностных инструкций, не занимаются коммерческой деятельностью, не продают свои услуги фирмам и физическим лицам, не «крышуют» и не стремятся установить контроль над как легальными потоками и ресурсами, так и над незаконными видами коммерческой деятельности (проституция, торговля наркотиками, контрабанда, торговля людьми, изготовление контрафактной продукции и т.д.). Наконец, предложенная географическим Западом модель полностью игнорировала проблему валидности информации, на основании которой дисижнмейкеры принимали решения. С одной стороны, постсоветские страны не вышли на свободные цены на рынках

важнейших факторов производства, в том числе денег. С другой стороны, дисижнмейкеры вели себя так, как будто у них есть некие уникальные способности и инструменты заглянуть в будущее, определить наиболее прибыльные, эффективные производства, инвестиционные проекты и оптимальную структуру производства. Идеи утилитаристов, В. Парето, М. Кейнса сотоварищи по достижению равновесия и оптимума стали их путеводными маяками.

Запад географический, не прогнозировав и не подготовившись к падению тоталитарной системы, не нашел ничего лучшего, чем предложить постсоциалистическим странам свои же институты. Даже не те, которые были у него на этапе преодоления бедности и выхода на траекторию устойчивого развития. Точнее говоря, были скопированы только выборочные элементы западной системы, потому что механическое копирование фундаментов («святость» частной собственности, верховенство закона, свобода конкуренции и торговли, свобода слова, политическая конкуренция) Запада аксеологического объективно невозможно.

Таким образом, некий абстрактный, по-разному понимаемый институт «Запад» якобы победило советский тоталитаризм и предложило себя в качестве примера для строительства новой жизни. Не решив проблему самоидентификации, Запад выступил в качестве миссионера, тем самым резко увеличив свою уязвимость. Чему учить и с каким уставом идти в «монастырь» постсоциалистических стран, как выстраивать с ними торговые, инвестиционные, миграционные отношения – адекватных ответов на эти вопросы у Запада географического не было, а Запад аксеологический, который и у себя дома находился на задворках теоретических и интеллектуальных дискуссий, в большинстве своем также остался в стороне от определения параметров пост-тоталитарного развития.

Как только в постсоветских странах начали появляться первые серьезные проблемы на пути реформирования основных систем, создания базовых институтов (безработица, банкротства, мошенничество, невыплата пенсий и зарплат, инфляция, отсутствие защиты прав собственности, правовой нигилизм, наркомания, вульгаризация информационного поля, ускорения распада института семьи т.д.), сразу же Запад географический стал основной мишенью для критики. Победители первого периода, получив легальный контроль над огромными ресурсами и активами, были заинтересованы в том, чтобы превратить Запад и географический, и аксеологический в жупел, в стрелочника. В ход пошли обвинения в двойных стандартах, в нарушении принципов свободной торговли, в политическом фаворитизме.

Конечно, слаба позиция того, кто обвиняет своего партнера в поведении, которое характерно для его самого. Противникам Запада аксеологического на постсоветском пространстве быстро нашли общий язык с партнерами из Запада географического. Все аргументы и факты смешали в кучу. Запад стали обвинять в современных войнах, нарушении прав человека, в монополизации отдельных секторов экономики, в торговом протекционизме, дотациях своим производителям и дискриминации чужих, в коррупции при распределении госресурсов и чрезмерной бюрократизации бизнес климата. Многие обвинения были вполне обоснованными, только они в большинстве своем не имели ничего общего с определением причин проблем, возникших в процессе системных трансформаций. Бенефициарам первой волны, которые закрепились на командных высотах экономики, создали механизмы управляемой демократии, установили контроль над СМИ и силовыми структурами, потребовалась идеология, объединительная идея, мораль нового времени. Придумать нечто оригинальное было крайне сложно. Копировать распространенные в других частях мира идеологемы было непопулярно. Так получилось, что те люди и структуры, которые стали популярными, получили политическую и экономическую власть в партнерстве с географическим и даже аксеологическим Западом, избрали именно Запад в качестве своего противника и даже врага. Неприязнь по отношению к Западу была перемешана с декларативным стремлением возрождения своего исторического прошлого, своей самобытной культуры, которая принципиально отличается от Востока и Запада. Победа, которая в начале 1990 - казалась полной и окончательной, вдруг стала казаться пирровой. Авторитарные практики «зацепились» сначала в Беларуси, Туркменистане, Узбекистане, затем постепенно были адаптированы в России.

На постсоветском пространстве философски и идеологически Запад начали хоронить, так и не разобравшись, что это такое. Причем каждый хоронит свой Запад: Военные и геополитики выступают против НАТО и агрессивной политики НАТО и Вашингтона. ТЭК и экономические министерства обозлился на Брюссель и ЕС. Православная церковь старается сохранить монополию, не допуская на свой «рынок» другие религии. Партнерства против аксеологического Запада начали усиливаться даже на самом географическом Западе. К примеру, в контексте недавних событий во Франции (беспорядки лета 2005 года и забастовки начала 2006 года) мы вправе задать вопрос: «Франция – это Запад?» Доминирующая идеология, содержание философского mainstream, качество экономической политики этой страны позволяет нам сделать вывод: «Франция является ярким антизападным центром географического Запада».

Антизападный Запад и его посттоталитарный партнер

В начале весны 2006 года французское правительство уступило давлению толпы. Предложенный закон о первом рабочем месте отозван. Профсоюзы и молодежные организации продемонстрировали, кто во Франции хозяин, кто имеет право навязывать работодателям условия найма. В то время как в Париже проходило острое противостояние между правительством и профсоюзами, в Москве 6 апреля закончил работу X Всемирный русский народный собор. Он наоборот продемонстрировал единство Русской православной церкви (РПЦ) и российской власти. Однако это единство построено на противопоставлении «самобытной русской цивилизации» и основополагающих ценностей Запада.

РПЦ впервые открыто и громко заявило о неприятии западных ценностей, главной из которых является безусловный приоритет личности, ее жизни, собственности и стремления к счастью. Как ни парадоксально, французская толпа на практике продемонстрировала такое же острое неприятие к этим ценностям. Погруженная в постмодернистский маразм, финансируемая ресурсами налогоплательщиков, пребывающая в состоянии неведения относительно реальных причинно-следственных связей мира, Франция, по сути дела, поддержала позицию РПЦ и российской власти времен В. Путина. Государство превыше всего. Национальные интересы первичны. Общество важнее человека и его собственности. Разница между Францией и Россией заключается в том, что в Париже от имени человечества, государства и общества выступает уличная толпа (профсоюзы, молодежные структуры, коммунистические и других радикальные партии), а в России роль интерпретатора берет на себя РПЦ и Кремль. Французские и российские элиты заняли ярко антизападную аксеологическую позицию.

У дисижнмейкеров обеих стран общие враги: глобализация, индивидуализм, частная собственность, свободная торговля и отторжение механизма «прибыль – убытки». Для них «капитализм» является гораздо большим злом, чем олигополистическое, олигархическое государство. Как РПЦ и Кремль с одной стороны, так и Франция (правительство и профсоюзы) боятся открытой конкуренции, личной ответственности за принимаемые решения (как в политической, так и в интеллектуальной и культурной сферах). Новый клерикализм и социалистические практики российского государства сродни жестким ограничениям Франции на использование английского языка и просмотр голливудских фильмов. Франция и Россия никогда не отличались любовью к свободной торговле. Первые показали миру ужасы Бастилии и сформировали идеи коммунизма. Вторые решили превратить эту страшную сказку в быль. Французские и российские политические элиты выступают против осуждения идеологии коммунизма и проведения суда над ней по типу Нюрнбергского. Они до сих пор не могут поставить знак равенства между коммунизмом и фашизмом, как будто есть большая разница в том, под какими лозунгами и знаменами уничтожать миллионы невинных людей.

Франция и Россия активно работали с режимом С. Хусейна, не считая такую деятельность аморальной. Эти две страны работали в Африке, неся бедным африканцам идеи *liberté, égalité, fraternité*. Продвигая идеи *development economics*, они способствовали превращению Африки в огромный котел конфликтов, смертельных болезней, вражды и жестокого правления кровавых диктаторов. Конечно, мы говорим не о простых французах и русских. Мы говорим о дисижнмейкерах и об их идеологических учителях. Франция и

Россия продолжают жить духом империй, который были ими созданы и которые развалились из-за своей неэффективности, неуправляемости и безнравственности.

Францию и Россию объединяют общие враги. Францию и Россию объединяют общие проблемы. К сожалению, Париж и Москва предлагают решать их при помощи средств, которые показали свою неэффективность и рискованность на протяжении истории XIX и XX века. В начале 1990-х обе страны получили исторический шанс начать глубокую ревизию своих систем, избавиться от губительной идеологии и принять те механизмы и инструменты, которые обеспечивают максимально быструю генерацию богатства и повышение благосостояния. Российские элиты использовали этот шанс для беспрецедентного по масштабам дележа государственных ресурсов и активов. Франция же предпочла молчаливо проигнорировать развал коммунистического лагеря, считая, очевидно, что для ее модели демократического социализма катаклизмы советского масштаба не страшны.

Анализ современного французского и российского опыта очень важен для переходных стран. Говоря об идеологии, о ценностях и характере взаимоотношений между государством и человеком, мы говорим об институциональном аспекте экономической системы. Человек принимает решение в определенном информационном и ценностном поле. Многие традиции и нормы он принимает по умолчанию. Он резко использует важнейший эпистемологический принцип «Изучай и адаптируйся ко всему, что создала природа, подвергай сомнению все, что создал человек». Если, как во Франции, он по умолчанию принимает роль профсоюзов и государства в навязывании частным собственникам режима использования их собственности, то он будет поддерживать бастующих против либерализации рынка труда или рынка услуг. Если, как в России, он принимает на веру позицию РПЦ по поводу глобализации и Запада, то он, не думая, поддерживает жесткий торговый протекционизм и контроль над сферой образования, культуры и искусства.

РПЦ, профсоюзы, государство, демократия – это институты, значение и функции которых необходимо четко определить. Частная собственность, капитализм, глобализация, индивидуализм – это вторая ось концепций, которые требуют пристального внимания и понимания. Мы являемся свидетелями жесткого цивилизационного, ценностного клэша. Как ни парадоксально, в этом противостоянии не так легко определить противоборствующие стороны. По одну сторону баррикад находятся Франция и Россия. Против кого же они ведут очередной клерикально-социалистический поход? Против США? Да, Америка остается политически и экономически одной из самых свободных стран мира. Однако ее школы, университеты и другие образовательные центры давно приняли идеологию welfare state, третьей системы. Здесь не так часто встретишь (не считая отдельных мозговых центров) интеллектуалов, которые гордятся капитализмом и считают его самой моральной эффективной системой. США сама опасно близко подошла к клерикальному государству. Нет сомнений в том, что оно никогда не замахивалось и едва ли замахнется на фундаментальные права и свободы граждан, но клерикализм в той или иной форме является формой коллективизма и лишения человека права свободного выбора. Германия, Япония, Индия или Китай – все эти страны находятся гораздо ближе к оси «Франция – Россия», чем к оси «США – Британия».

Исходя из этого, есть основания считать, что новый крестовый поход французских профсоюзов и правительства против либерализации и свободной торговли, русской православной церкви против глобализации и классической концепции прав человека – это противостояние не некоей реальной стране с ее реальной политикой, а конфликт с мифом и абстракцией. Это борьба против результата свободного выбора миллиардов потребителей, частных инвесторов и предпринимателей во всем мире. Это борьба за лишение права человека самому определять свой оптимум, оценивать свою эффективность и нести ответственность за принимаемые им решения. Наконец, это борьба против того, чтобы миллиарды граждан развивающихся стран не могли стать полноценными, свободными участниками глобальной системы разделения труда, глобальной информационной системы, в которой на равных конкурируют люди и идеи. Уроки данного философского, идеологического противостояния весьма полезны для полисемейкеров не только переходных стран, но также тех интеллектуальных элит которые претендуют на статус стражников западных идеалов.

Вторая берлинская стена. Отсроченный развал

В начале 1990-х политики и аналитики мира сознательно или по незнанию совершили одну страшную ошибку. После развала Советского Союза, распада социалистической системы лидеры ведущих стран Запада, авторитетные международные организации заявили о полном и безоговорочном поражении социализма и централизованной плановой экономики. Серпы и молоты были заменены орлами и другими государственными символами. Госпланы стали министерствами экономики. Преподаватели критики буржуазных учений быстро адаптировались к Economics и менеджменту. Все внимание мира было переключено на постсоциалистические страны.

А в это время во Франции, Германии, Бельгии, Италии и других странах Западной Европы социализм затаился, лег на дно, переокрасился, чтобы, не дай бог, и его за компанию с советским собратом не подвергли экзекуции. Прошло почти 17 лет, и вот во Франции зреют условия для очередной социалистической революции. Империя зла контратакует. Уже не через Москву, Пекин или Гавану, а через Париж, Сорбонну и погрязших в постмодернизме и иждивенчестве гламурных французов.

Западные идеологи утверждают, что социалистическая революция произошла только в рамках советской империи. На самом деле она случилась в 2/3 стран мира. В Западной Европе социализм прижился с демократией и свободой слова. Жесткие ограничения прав собственности санкционировались независимыми судами. Когда дискуссии шли лишь о том, под каким соусом у богатых забирать деньги, когда командные высоты в экономике, в том числе контроль над деньгами, прочно заняло государство, когда внутренний рынок жестко защищался от конкурентов, де-факто во Франции господствовал и продолжает господствовать тот самый социализм, которого Польша, Россия или Беларусь, как могло показаться в начале 1990-х, «наелась» вдоволь.

После развала Советского Союза свобода, равенство и братство французского образца хлынули в 26 новых стран, в том числе Беларусь, Польшу, Украину и Россию. Обратно в Западную Европу пришли огромные деньги, уворованные партийной номенклатурой и новыми «демократами» и «либералами» в малиновых пиджаках. Под лозунгами прав и свобод человека, демократии и равенства национальное добро ушло из-под контроля очарованных французскими лозунгами народных масс. Спрос на западный ширпотреб и продукты питания в постсоветских странах резко вырос. Европейские, американские бизнесмены и банкиры без угрызений совести вывозили вместе с украинскими или российскими партнерами сырье по бросовым ценам. Ценовую ренту делили вместе. Деньги, естественно, оседали, в основном, в западных банках. Историческая декада великого перераспределения (1991 – 2000) породила не только отечественных олигархов. За 15 лет были увеличены состояния многих западных деловых людей и чиновников. Не остались в стороне и политики, которые благословляли международные сделки. Бюджеты западноевропейских стран также получили послабление, получив новые источники щедрых поступлений. Таким образом, развал западноевропейского социализма был отсрочен за счет падения социализма тоталитарного. Кризис антизападной системы на самом географическом Западе был отложен на деньги тех людей, которые в конце 1980-х поверили в Запад аксеологический и доверились выступающим за их реализацию правительствам.

Любой красивой распределительной схеме рано или поздно приходит конец. Украина и Россия справились с основными трудностями переходного периода. Появились свои мощные олигархи. Политики захотели равного статуса своих стран с западными. Свобода перемещения товаров, услуг, денег и рабочей силы – так интерпретировали в переходных странах лозунги европейского государства всеобщего благосостояния. Однако Западная Европа имела по этому поводу совсем иное мнение. Идеология на экспорт и для внутреннего потребления сильно отличались друг от друга. Французские учителя теории свободы и практики рынка столкнулись с ситуацией, когда их ученики буквально поняли предлагаемые заповеди и потребовали от Запада *liberté, égalité* и *fraternité*. Для всех в Европе. Без изъятий и ограничений.

Беларусь до 1994 года шла по пути России и Украины, но потом, отбросив пустые декларации, начала активно восстанавливать жесткое авторитетное государство и мощную олигархическую систему контроля над ресурсами и активами. А. Лукашенко первым из лидеров постсоветских стран начал на официальной уровне, через школы,

университеты, контролируемые государством НГО и госпредприятия насаждать идеологию, составными частями которой были антилиберализм, антиглобализм и антииндивидуализм.

Франция, как один из родоначальников мирового социализма, поняла, что для сохранения лица и статуса европейской идеологической столицы надо навести и в своем доме порядок. Слишком уж широкой стала пропасть между декларациями о помощи бедным, партнерстве с развивающимися странами и жгучим XIX-вековым протекционизмом. С другой стороны, жизнь зарегулированной экономики и большого государства затрудняют активные конкуренты (Словакия, Эстония, Чехия), которые предоставляли капиталу гораздо более выгодные условия работы. Китай продолжает активно теснить французских производителей на их традиционных рынках. США на поколения опередила Францию по уровню развития технологий. Желающих получить часть ЕС-овского пирога также стало гораздо больше. Все эти факторы резко увеличили внешнее давление на французский социализм, на анти-Запад. Он начал явно проигрывать в условиях открытой конкуренции и глобализации.

Высокая безработица, нещадные налоги, дорогая бюрократия, быстро растущие социальные обязательства бюджета – даже при демократической форме правления и независимой судебной системе это верный путь к системному кризису. Отдельные французские политики начали это понимать. Попытки правительства либерализовать рынок труда, сократить социальные выплаты напоминают действия М. Горбачева по сохранению советского социализма. Привыкший к иждивенчеству французский рабочий класс и учащаяся молодежь вкупе с профсоюзами не хотят расставаться с метафизической холявой. Они готовы идти на баррикады за то, чтобы свобода, равенство и братство распространялось исключительно на них и продолжало оплачиваться из чужого кармана.

Забастовка против реформы рынка труда

Напряжение во Франции резко повысилось после того, как правительство президента Жака Ширака начало реформу социальной системы и рынка труда. Для того чтобы сократить государственные расходы, власти предложили людям увеличить личную ответственность за формирование пенсии и за финансирование услуг системы здравоохранения. Ранее были приняты определенные поправки в законы, которые противодействуют выходу на пенсию в 60 лет, стимулируя более продолжительную занятость. Были сокращены возможности требовать от государства компенсационных выплат за медицинские услуги и лекарства. Все чаще говорят о необходимости отказа от 35-часовой рабочей недели. Некогда большое социальное достижение сегодня является одним из тормозов экономического роста.

Все больше французов понимают, что жить дальше в режиме социалистической, перераспределительной экономики нельзя. Однако профсоюзы и бредящая Че Геварой и К. Марксом молодежь не согласна на закат социализма. Их не убеждает ухудшение дефицита бюджета, бегство капитала и технологическая отсталость. Они не видят причин высокой безработицы и готовы заставлять работодателей создавать под них рабочие места без права на увольнение. О том, что у инвесторов и предпринимателей тоже должна быть *liberté*, они не думают. О том, что для польских, украинских, словацких производителей также должно быть *egalité* с французами, они любят рассуждать только в аудиториях и на международных конференциях. Погруженные в постмодернистский маразм идеологи французского социализма предпочитают наслаждаться декольте, варьете, карате, а не *liberté, egalité, fraternité*. Разумеется, за чужой счет.

Французское антизападное правительство зашло в тупик. Политические и интеллектуальные элиты на протяжении целой эпохи приучали людей к социализму, к его моральности и справедливости. Приучили – и сегодня прослезились. Французы до сих пор не понимают, почему развалился Советский Союз, почему люди сказали «нет» централизованной плановой экономике. Они не извлекли уроков из нашего горького опыта, считая, что все дело лишь в демократии, свободе слова и верховенстве закона. А если закон позволяет агрессивному большинству изымать больше половины заработанного, ограничивать возможности использования своей собственности? Закон, который разрешает одному соседу при помощи полиции конфисковать у другого соседа

корову, является источник социального зла. Воспитанные на идеалах Бастилии и Сорбонны, лидеры французских профсоюзов, политических партий и образовательных учреждений являются главными авторами сегодняшних и будущих конфликтов во Франции и в других европейских странах победившего социализма.

Экономический расчет, необходимость выполнять обязательства в рамках ЕС, соблюдение прав частной собственности – это не аргументы для агрессивной французской толпы. Во Франции не бастуют только ленивые и то, наверно, потому, что не додумались до создания своего профсоюза. В марте 2006 г. начали протесты рабочие почты. Они выступают против открытия рынка почтовых услуг даже в рамках Европейского Союза. Глава Троцкистской революционной коммунистической лиги Оливье Безансено (Olivier Besancenot) сам работает на почте. Можно себе представить, что он и его партийные коллеги думают об открытой конкуренции со стороны поляков, чехов, тем более украинцев, которые не входят в ЕС.

Ласковый весенний воздух 2006 года и призывы социалистов повлияли на чувствительные души работников железной дороги. Им также не нравится, что немцы, испанцы или англичане могут предоставлять французским потребителям свои услуги. Работники энергетического сектора не согласны с созданием единого энергетического рынка. Они хотят, чтобы французы потребляли только отечественные киловатт-часы.

Какая же волна забастовок без учителей? Ведь именно они некогда учили почтовых работников, энергетиков и железнодорожников *liberté, égalité, fraternité*. Они традиционно требуют больше денег и меньше работы. Когда вся страна развлекается на забастовках, поедая тоннами круассаны, госслужащие, в том числе работники налоговых органов, тоже не пожелали оставаться в стороне от народа. Они также приняли участие в весенних забастовках 2006 года. На пике движения против либерализации рынка труда в забастовках участвовали 1 – 3 миллиона человек.

Абсурд этой ситуации очевиден. Чиновники, которые и стали причиной стагнации экономики, безработицы и потери конкурентоспособности, поддерживают своих «жертв». Они предлагают им не больше свободы, а еще больше регулирования. Подготовленное социалистическими учителями население реагирует гениально. Не получая базовых услуг государства, сталкиваясь с пробками и проблемами в перемещении по стране, 65% французов поддерживают забастовки. Чувствуя поддержку общественного мнения, профсоюзы в большей мере управляют страной и де-факто владеют частными бизнесами. У них это получается даже лучше, чем у государства.

Франция вступает в активную фазу заката своего социалистического государства. После парижских погромов и бунтов 2005 – 2006 гг. не исключено, что постмодернистская толпа в ближайшее годы найдет свою Бастилию, особенно если правительство будет настаивать на либерализации и приведении в порядок системы социального обеспечения. Поскольку пенсионная система, система здравоохранения требуют кардинальных реформ, а Франция в ближайшие годы едва ли найдет на своей территории золотые прииски, то активная фаза заката *welfare state* в этой стране, так и в других странах «старой» Европы, еще только начинается.

Вопреки геополитикам, утверждающим о безоговорочной победе либерализма, мы сегодня может говорить о феномене исчезающего Запада. Речь идет об усугублении проблем стран Западной Европы, об увеличении дисбалансов на рынке труда, в пенсионной системе, в системе здравоохранения в странах географического Запада. Германия, Франция, Италия, Испания, как самые крупные страны ЕС, заметно отстали по уровню развития технологий от США, которая остается самой западной из крупных стран мира. Исчезающий Запад – это рост налогов, разрастание государства, увеличение регуляторного бремени, усиление протекционизма при отсутствии политической воли среди действующий партий и интеллектуальных элит начать глубокую ревизию сложившейся социально-экономической модели. Запад исчезает, если университеты клонируют постмодернистов, интервенционистов и сторонников клерикально-социалистического выбора. Запад исчезает, когда бизнес принимает на себя незаслуженную вину и начинает откупаться от назойливых НГО трансфертами в рамках концепции социальной ответственности. Запад исчезает, когда даже его самые свободные представители продолжают сохранять государственную монополию над самым важным фактором производства – деньгами. К сожалению, признаков того, что

Запад возрождается как на географическом Западе, так и на постсоветском пространстве, пока очень мало.

Шесть уроков французского для переходных экономик

Французы не извлекли уроков из развала Советского Союза. Это стало их проблемой. Беларуси, России, Украине и другим переходным странам было бы глупо игнорировать болезненные и чрезвычайно дорогие уроки, которые мы можем извлечь из событий во Франции. **Урок 1: знания о рынке, свободе, капитализме не приходят автоматически.** Постсоветские страны формально избавились от социализма, но интеллектуальные, образовательные элиты остались в глубоком прошлом. Более того, они укрепили партнерские отношения с антизападными представителями на географическом Западе.

Единственная долгосрочная революция, которая создает устойчивую систему экономического роста и богатства – это революция идей. Переходные экономики обязаны изменить содержание учебного процесса, отказаться от профранцузской идеологии постмодернизма и социализма, а также полностью приватизировать рынок информации (радио, ТВ, газеты). Основой школьного и университетского гуманитарного образования должны стать произведения Айн Рэнд, научные труды Людвиг фон Мизеса, Фридриха фон Хаека, Джорджа Райсмана, а не К. Маркса, П. Самуэльсона или М. Кейнса. Беларуси, Украине и России нужно инвестировать в идеологию индивидуализма и свободы, адаптироваться к глобализации на основе последовательного капитализма. Моисей не просто водил людей по пустыне 40 лет. Он им объяснял, почему их догмы и социалистические традиции вредны и аморальны. От того, что россиянам или украинцам сказали об окончании эпохи социализма, они вдруг рыночниками и сторонниками капитализма не стали. Хорошим началом революции идей было бы идентификация понятия «Запад».

Урок 2: Переходным экономикам нужен последовательный капитализм и свободный рынок труда. Франция имеет много мировых лидеров в разных сферах бизнеса, потому что эти компании ведут себя по правилам мирового рынка. Беларусь, Украина и Россия имеют шанс создать свой мощный бизнес не при помощи интервенционизма и протекционизма, а посредством интеграции в мировую систему разделения труда. Лучшее лекарство от безработицы – не мешать работодателям самостоятельно, без профсоюзного насилия устанавливать условия найма. Либеральный рынок труда наиболее эффективно работает в паре с механизмом банкротства и рыночного наказания за инвестиционные ошибки.

Урок 3: Переходным экономикам нужен полноценный рынок образовательных и медицинских услуг. Государство не должно лишать граждан права выбора пенсионной системы или формы медицинской страховки. Французские университеты показали, что чуть ли не всеобщее государственное высшее образование порождает большие проблемы на рынке труда, особенно если условия найма обременительны для работодателя. Когда рынок, а не чиновник, будет регулировать, сколько и каких специалистов нужно готовить, у нас не будет сотен тысяч дипломированных борцов против глобализации и свободной торговли.

Урок 4. Переходные экономики не могут себе позволить большое государство и сложные процедуры регулирования. Не надо защищать человека от его же просчетов и глупостей. Каждый из нас имеет право на ошибку. Мы сами должны нести за них ответственность. Горький опыт Франции учит, что Беларусь, Россия и Украина должны стать странами частного бизнеса во всех сферах экономической деятельности, начиная от банков, пенсионных фондов, телекоммуникаций, заканчивая энергетикой, транспортом и почтой. Лучшая защита гражданина – это ликвидация инструментов и рычагов бюрократического воздействия на его экономическое поведение.

Урок 5. Переходным экономикам нужна ответственная политическая элита. К сожалению, подавляющее большинство политических партий переходных стран в большей или меньшей степени разделяют идеи французских социалистов. Несмотря на огромные жертвы, которые понесла страна в результате советского террора, россияне, украинцы и белорусы до сих пор толерантно относятся к глубоко аморальной, враждебной идеологии и теории марксизма и ленинизма. Трагично и опасно, что в

большинстве постсоциалистических стран эти идеологические догмы до сих пор пользуются популярностью. От них не только не отстают, но и значительно опережают круги интеллектуального mainstream Франции и других стран Европы, которую только географически можно назвать западной.

Наш вклад в очищение Европы от социалистического кошмара должен состоять в том, чтобы мы рассказали французам, немцам, итальянцам о том опыте, который мы испытали на своей шкуре как в советские времена, так и в течение первых 15 лет после приобретения независимости. Мы должны инвестировать в борьбу идей и критически относиться к европейскому опыту. Не все то золото, что идет с клеймом Made in Europe. Когда Евросоюз находится в поисках своей идентичности, когда его основатели стоят перед угрозой очередной социалистической революции, переходным странам Европы не надо спешить унифицировать свое экономическое законодательство с европейским, особенно в сфере бизнес регулирования, бюджетно-налоговой политики и социального обеспечения.

Урок 6. От глобализации вредно закрываться и изолироваться. Потенциал белорусской, украинской и даже российской экономики сегодня в десятки раз меньше французского или немецкого. Если глобализация поставила Францию перед необходимостью адаптироваться к условиям мировой экономики, то мы тем более должны отказаться от торгового протекционизма, жестких ограничений на финансовом рынке, в сфере услуг и на рынке труда. Причем нам вредно закрывать свои рынки как от европейских, так и от капиталов из соседних стран. Именно такие условия позволяют преодолеть пропасть между бедной и развитой страной за 30 – 50 лет. В реальной жизни сократить этот путь за счет государственных инвестиций или передачи активов в управление чиновников невозможно. Даже социализированные французы это поняли, приватизировав не только промышленные, но и энергетические компании.

Белорусские, российские или украинские полисимейкеры могут проигнорировать очередной урок французского. Ведь соблазн поругать страной во имя светлого будущего наших граждан велик у каждого поколения политиков. К сожалению, в переходных странах последних 15 лет наблюдался острый дефицит как раз тех политиков, экономистов и идеологов, которые на хорошем белорусском, русском, украинском, английском или французском сумели бы объяснить народу, что такое хорошо, и что такое плохо в экономической и социальной политике. Сегодня, когда на наших глазах идет развал французского социализма, аргументы сторонников свободного рынка и либерализма звучат особенно убедительно. Таковыми они являются для людей, которые оперируют научными фактами, логикой, которые свободны от идеологических предрассудков и мистицизма. Однако суть предложений русской православной церкви, многие энциклики Ватикана, декларации и доклады ООН, характер политики российской власти в последние годы говорит о том, что Россия не только не выучила уроков французского, но даже забывает уроки своей собственной истории. Очевидно, пример Беларуси оказался слишком заразным. Не обладающее сильным иммунитетом против антизападной заразы российское общество, оказалось слишком слабым, чтобы противостоять лукашизму, как самому яркому проявлению натизападной идеологии на постсоветском пространстве.

Россия возрождает клерикально-социалистическую систему.

Что общего между рабочим, отстоявшим восемь часов у станка, крестьянином, проводившим десять часов на полевых работах, учителем, который после основной работы спешит подработать в другом месте? У них нет времени на поиск национальной идеи. Они хотят за свой труд получать как можно больше денег, строить жилье, воспитывать детей, смотреть телевизор под чай с конфетами или пиво с сушеной рыбой. Ни обычный украинец, ни простой русский, ни даже вступивший в Евросоюз поляк не тратят время и ресурсы на генерацию абстракций или экономических концепций. Их не интересует идеология, философия и, по большому счету, политика. Они некритически воспринимают критику в отношении Запада, особенно если она не встречает интеллектуального отпора.

После развала Советского Союза идеология и философия вообще попали в немилость. Формально марксизм и ленинизм были свергнуты. Пустующее место идеологии переходной страны постарались занять международные организации. Однако

у них это плохо получилось, потому что они сами симпатизировали теориям социализма. Наиболее активно за души и сердца людей взялась церковь. Такого взрывного роста формальных верующих не видел мир. Партийные начальники, бизнесмены и бандиты начали ходить в цепях и крестах. Строительство храмов вошло в моду. Появился и быстро набрал силу церковный бизнес. Складывалось впечатление, что место звезд с серпами и молотами заменили крестики с распятием. Не могли постсоветские люди обойтись без мистики внешних символов, без принадлежности к чему-то большому, без служения некоему таинству.

Русская православная церковь (РПЦ) уверено становилась идеологической доминантой в России, Украине и Беларуси. Она закрывала глаза на бандитские схемы приватизации, молчаливо принимая пожертвования от новых русских и украинцев. РПЦ не подвергла моральной обструкции государство, которое не справилось со своими фундаментальными обязанностями – с защитой жизни и имущества граждан. Руководители церкви не дали моральных оценок деятельности бюрократии по дискриминации частного бизнеса, по разрушению рабочих мест, по конфискации сбережений людей в виде инфляции. Не были осуждены за бездуховность, цинизм и аморальность те госслужащие и политики, которые использовали служебное положение для личного обогащения, создания монополий и олигополий, которые лишили потребителей, т. е. церковную паству, выбора более дешевых и качественных импортных товаров.

РПЦ не предала анафеме тех бюджетных грешников, которые допустили перекачку национальных ресурсов в личные проекты, тех руководителей министерств и ведомств, которые загадили леса, озера и реки, а также землю, игнорируя базовые экологические нормы. Наконец, не были отлучены от церкви бывшие и нынешние руководители компартий в постсоветских странах, не было публичного и однозначного осуждения идеологии и философии коммунизма, под флагами которой были убиты десятки миллионов людей, в том числе служителей церкви.

Принимая все это во внимание, можно было бы подумать, что РПЦ действует по принципу «не суди и не судим будешь». Однако церковь не стеснялась в оценке других видов деятельности и организаций. РПЦ резко выступает против так называемой бездуховности Запада, распутства поп культуры, антисоциального поведения бизнеса, особенно транснациональных корпораций. Церковь, апеллируя к особенностям славянской души, стала ярким противником либерализма, индивидуализма и частной собственности. РПЦ сформировалась, как своеобразная идеологическая основа антиглобализма на пространстве славянских постсоветских государств, как агрессивный институт, выступающий против свободной торговли и капиталистической системы в целом. Идеологи и менеджеры церкви начали настоящий крестовый поход против той системы, которая освободила мир от красной чумы, которая подняла уровень жизни миллиардов людей во всем мире на исторически беспрецедентную высоту. Благодаря капиталистическим практикам сотни миллионов людей только в последние 20 лет вышли из нищеты. Резко уменьшилась детская смертность, увеличилась продолжительность жизни, гораздо более доступными стали лекарства. Именно против этой системы все активней выступает Русская православная церковь.

С/х политика от X Всемирного русского народного собора

X Всемирный русский народный собор, проходивший весной 2006 года, принял целый ряд интересных документов, которые позволяют понять претензии РПЦ в области идеологии и взаимодействия с государством и обществом. Резолюция «*О земле, крестьянстве и продовольственной безопасности России*» говорит о деградации села и бедственном состоянии сельского хозяйства, а также о том, что земля – это божественный дар и «общее благо». РПЦ утверждает, что «*опустошение сельских пространств России стало расплатой за скороспелые и непродуманные решения недавнего прошлого... Аграрные предприятия задыхаются в тисках высоких цен и тарифов на жизненно важные ресурсы. Страна все сильнее попадает в зависимость от продовольственных поставок извне*».

Данные тезисы очень похожи на программные положения белорусского режима, компартий Украины и России. В них отражено осуждение частной собственности на

землю, проведенных аграрных реформ, т. е. развала колхозно-совхозной системы. РПЦ игнорирует тот факт, что в переходных странах, особенно тех, которые последовательно реализовывали капиталистическую политику, на полках магазинов все чаще доминируют отечественные продукты питания, что отечественные производители начали, наконец, экспортную экспансию. Ну а тезис о зависимости от продовольственных поставок извне как будто списан с текстов антиглобалистов или меркантилистов XIX века. РПЦ явно выступает против принципов свободной торговли, на которых строится ВТО. Общинность, коллективизм православной церкви входит в острый конфликт даже с теми полулиберальными реформами, которые имели место в России или в Украине. Только в Беларуси они находят полное понимание и принятии властями.

Осудив реформы, РПЦ подводит верующих и общество к нужному себе решению. Церковь предлагает *«продуманную и предметную поддержку сельских жителей в решении их насущных проблем, развитие приходских общин и церковных хозяйств, строительство на селе жилых домов, школ, библиотек, больниц, детских садов, магазинов, спортивных сооружений»*. На первый взгляд, цели благородные, но что такое *«церковное хозяйство»* и почему государство должно строить его за свой счет? Или же церковники готовятся к тому, чтобы получить контроль над с/х производством и заранее лоббируют у государства решения по закрытию внутреннего рынка от внешних конкурентов? Надо полагать, это касается Украины и Беларуси. Или РПЦ не рассматривает их в качестве независимых государств?

Так вместо благословения свободного перемещения товаров между Россией и ее соседями, РПЦ пугает паству опасностью зависимости от поставок продовольствия извне, т. е. и из Беларуси и Украины тоже. Интересно, какую позицию по этому вопросу займет РПЦ, которая работает в Минске и Киеве? По идее она должна призывать украинских и белорусских производителей отказаться от поставок на российский рынок, чтобы восточные братья расслабились и не боялись продовольственной зависимости. Что на это скажет украинская православная церковь и белорусские католики? РПЦ может создать очень опасный прецедент возвращения церкви в государство.

РПЦ известна не только своей религиозной, но также коммерческой деятельностью. Пользуясь тем, что Кремль и новое политическое руководство России проявляет спрос на новую идеологию, православная церковь решила активизировать переговоры по созданию олигополий на отдельных сегментах рынка. Она предложила свое видение с/х политики, а также экономического развития в целом. Оно явно не совпадает с тем, что предлагают в России и в Украине последовательные либералы. Оно очень сильно смахивает на ту модель, которую при помощи энергетических дотаций России создал у Беларуси А. Лукашенко.

РПЦ выступило со своей альтернативой не только десяти заповедям, но также Всеобщей декларации прав человека. X Всемирный русский народный собор принял Декларацию о правах и достоинстве человека. Если резолюция о земле свидетельствует о социалистических взглядах церкви в экономике, то Декларация – это призыв России, Украине и Беларуси построить клерикальное государство. Это начало ново крестового похода за душами и кошельками граждан. Таким образом, национальной идеей РПЦ, которую она маскирует заботой о бедных и обездоленных, есть антирыночная, антизападная клерикально-социалистическая система.

Декларация «Обратно к мистицизму»

РПЦ говорит о том, что мир *«стоит перед угрозой конфликта цивилизаций»*, имея в виду, очевидно, Запад и исламский мир. Церковь принимает Декларацию не много, ни мало – от *«имени самобытной русской цивилизации»*. Претензия на некую особую цивилизацию у представителей разных русских институтов была всегда. Но здесь от ее выступает не интеллигенция или государство, а православная церковь, которая едва ли согласовала свои подходы с мусульманами, католиками, иудеями, тем более с десятками миллионов атеистов. К сожалению, РПЦ не уточняет черты этой самой цивилизации, Так кто-то может подумать о той самой системе, которая на протяжении более 70 лет превратила десятки народов и стран мира в тоталитарную империю. Критики могут припомнить, что эта самая цивилизация до сих пор не извинилась даже перед своим

народом за зверства коммунистического режима. Или же речь идет о другой цивилизации во главе со С. Разиным, А. Пожарским или Екатериной второй?

Претензии на некую особость своего статуса Русская православная церковь явно связаны с желанием противопоставить себя другим конфессиям и укрепить свои лоббистские позиции в переговорах с государством. Она очень болезненно относилась к деятельности Папы Иоанна Павла II и католической церкви в целом. Декларация – это также вызов католическому миру, который-де поддерживает безнравственные права и свободы человека и западную правовую систему. Новая роль РПЦ должна укрепить ее монополию на территории, в первую очередь, России, на поле религий.

В начале Декларации говорится об особой ценности человека, который, совершая добро, приобретает достоинство. С этим могли бы согласиться любые идеологи и политики Запада, в противопоставление которому и принят данный документ. РПЦ различает две свободы: **«внутреннюю свободу от зла и свободу нравственного выбора»**. *Свобода от зла является самоценной. Свобода же выбора приобретает ценность, а личность - достоинство, когда человек выбирает добро. Наоборот, свобода выбора ведет к саморазрушению и наносит урон достоинству человека, когда тот избирает зло»*. *«Мы признаем права и свободы человека в той мере, в какой они помогают восхождению личности к добру, охраняют ее от внутреннего и внешнего зла, позволяют ей положительно реализоваться в обществе. В этом свете нами уважаются не только гражданские, политические права и свободы, но также социальные, экономические и культурные права»*.

Православная церковь делает очевидные уколы в сторону сторонников прав и свобод человека. Она намекает на то, что западные права слишком либеральные и приводят к безнравственному выбору, в то время как нравственный императив от РПЦ ближе к богу. При этом РПЦ не сравнивает западные стандарты и нормы российской действительности, делая вид, что в России нет наркомании, проституции, оргпреступности, коррупции и тяжелого морального кризиса. РПЦ вообще не касается проблемы войны в Чечне. Она закрывает глаза на природу белорусского режима. При этом они любят сваливать всю вину за моральное разложение молодежи на Голливуд, фаст фуд и потерявших моральные ориентиры западные корпорации.

В Декларации нигде не сказано, что такое «внутреннее и внешнее зло», не поясняется, какие из западных прав и свобод потворствуют этим видам зла, и как РПЦ предлагает с этим бороться. Неужели вслед за Декларацией будет выпущена Инструкция, которая даст разъяснения по тому, как вести себя в обществе и в экономической деятельности, чтобы, не дай бог, не согрешить? Основываясь на экономических взглядах РПЦ, можно предположить, что зло творят те импортеры, которые насыщают внутренний российский рынок иностранными товарами и создают ненужную конкуренцию правоверным русским с/х общинам. Грешат те, кто слушает неправильную музыку, ходит на вводящие в блуд сайты и покупают одежду не отечественных производителей.

Декларация совсем по-либеральному говорит о том, что *«права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека»*. Однако не спешите с выводами. Следом идет совершенно марксистский посыл: *«Личность, реализуя свои интересы, призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества»*. Значит, копая на даче грядку, продавая товар на рынке, покупая турпутевку в Турцию, покупая доллары, а не гривны или рубли, приобретая «Тойоту», а не «Жигули», человек должен каким-то образом проконсультироваться с православной церковью, как его поступки соотносятся с интересами народа и всего человечества. А что если народу хорошо, а человечеству плохо? Главный элемент этого положения заключается в том, чтобы человек, не думая, шел в церковь, слушал вердикт пастыря на предмет правильности выбора, платил деньги и верил в лучшую судьбу если не в этой, то уж точно в загробной жизни.

Очередной пассаж Декларации еще больше раскрывает карты РПЦ и ставит крест на легких либеральных мазках, которые просматривались в первой части документа. Очевидно, ради этого пункта Кремль и заигрывает с РПЦ, предлагая создать клерикально-социалистическое государство: *«Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это такие ценности как вера, нравственность, святыни, Отечество. Когда эти ценности и реализация прав человека вступают в*

противоречие, общество, государство и закон должны гармонично сочетать то и другое».

Основы нового тоталитарного государства

Россия, Украина и Беларусь имеют достаточно убедительную историю установления гармонии между государством и человеком. С последней ее частью (1917 – 1991) мы до сих пор еще до конца не разобрались. Миллионы крепостных крестьян гибли за царя. Десятки миллионов были убиты во имя диктатуры пролетариата. Сотни миллионов были лишены своего имущества и сбережений бездарными правительствами. Все это происходило для установления баланса между личностью и государством, личностью и обществом. Имена палачей, монополистов, пожирателей ренты и холявщиков менялись. Суть процесса оставалась неизменной: простой человек должен расстаться с правом выбора, заплатить за это представителям власти и уверовать в том, что решения чиновников и политиков принесут ему счастье и божью благодать. Опять же, если не в этой, то в следующей жизни.

Говоря о недопустимости ситуаций, «при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к оскорблению религиозных и национальных чувств, почитаемых святых, угрожало бы существованию Отечества», РПЦ призывает, по сути дела, к полному контролю государства и церкви над личностью.

Складывается впечатление, что они договорились о разделении полномочий и труда. Для государства православная церковь отдает экономику и социалистические инструменты управления ею. Для себя оставляет право на монополию в системе информации, знаний и нравственных суждений. Конечно, не за бесплатно, а за активное участие в «правильной», «богоугодной» деятельности. От имени государства, очевидно, должен выступать Кремль. Ну а Алексей II и его коллеги будут наделены полномочиями судить, нарушают ли действия того или иного человека нравственные традиции.

РПЦ гневно отвергает *«политику двойных стандартов в области прав человека, а также попытки использовать эти права для продвижения политических, идеологических, военных и экономических интересов, для навязывания определенного государственного и общественного строя».* Это явные нападки в сторону ООН, ОБСЕ, Совета Европы, а также ЕС и США. Именно эти страны и организации ставят права и свободы человека во главу угла. Складывается впечатление, что данный пассаж был написан специально для главы Беларуси А. Лукашенко, который при поддержке РПЦ уже более 10 лет бросает вызов тем самым «двойным стандартам». Однако одно дело, когда такие речи произносит руководитель одной небольшой страны. Совсем другое дело, когда РПЦ, заняв место идеологического министерства Администрации президента России, бросает открытый вызов всей западной цивилизации. Под удар попадают не только ценности, но и Запад географический.

Русская православная церковь закладывает идеологию нового тоталитарного государства, новых форм порабощения личности во имя все той же *«самобытной русской цивилизации».* Оказывается, нефтедоллары опьянили головы не только дисижнмейкеров Кремля, но также лидерам РПЦ. На заключительной пресс-конференции митрополит Кирилл зашел так далеко, что заявил: *«Возможно, тем самым [сформулировав проблематику прав и свобод человека в категориях, доступных и близких абсолютному большинству населения России] мы открываем новую эпоху построения правового государства, в котором будет уважаться человеческое достоинство».* Управляемая демократия ФСБ и В. Путина, религиозная монополия РПЦ, экономическая олигополия верных клерикально-социалистическим идеалам олигархов – вот такое получается оригинальное государство. Вот только язык не поворачивается называть его правовым или западным.

Подводя итоги работы X Собора, один из лидеров РПЦ уже без стеснений определил главное направление идеологического удара: *«Мы нуждаемся в такой системе прав человека, которая действительно могла бы быть стыковочным узлом между различными цивилизационными моделями. Тогда отпадает необходимость в процессе глобализации нивелировать культурные различия между цивилизациями, тогда глобализация не будет нести в себе угрозу унификации, тогда мы сохраним многообразие и красоту Божия мира».*

РПЦ, как и политическое руководство России боится честной открытой конкуренции идей, институтов, товаров и услуг. Они идут по пути белорусского режима, который более 12 лет борется законными и незаконными методами с идеологическим и экономическим инакомыслием. С одной стороны они отвергают цивилизацию фундаментализма, которая построена на уничтожении неверных, на презрении жизнью и толерантности. Одновременно они не приемлют западную цивилизацию, для которой главная и непререкаемая ценность – жизнь и сам человек. Не может быть компромисса между жизнью и смертью. Нельзя убивать, красть или обманывать немножко, через день или только по пятницам. Человек становится насильником не тогда, когда он насилует каждый день, а даже если он это сделал однажды. Российская православная церковь предлагает опасный моральный релятивизм, еще один виток огосударствления личности и ее порабощения. Она копирует яркие антизападные образцы самого Запада, который уже давно погружен в постмодернизм.

Поскольку РПЦ активно работает в Беларуси и Украине, то после принятия такой Декларации, ее деятельность становится серьезной проблемой этих стран. Иметь на своей территории большую сетевую структуру, которая открыто выступает против западного пути развития, против ценностей эпохи Просвещения, против рыночной экономики и свободной торговли – это санкционировать деятельность по укреплению тоталитарных институтов. В свое время русские цари также игнорировали В. Ленина, который затем предал свою страну и на немецкие деньги осуществил государственный переворот. Если А. Лукашенко уже давно работает в парадигме РПЦ, то новому украинскому парламенту и В. Ющенко легкомысленно было бы игнорировать официальную идеологию РПЦ. Не приведет к добру партнерство двух мощных антизападных институтов РПЦ и российского государства.

Крестовые походы не закончились. Они видоизменились, приобретя новее одежды и оружие. Сегодня против Запада аксеологического, против цивилизации Просвещения и Модерна выступают не только исламские фундаменталисты, готовые использовать даже ядерное оружие против миллионов людей. Русская православная церковь принятием Декларации открыла против Запада второй фронт. Он не проходит по государственной границе Беларуси и Украины. Он уже давно находится на территории этих стран. Как ни парадоксально, открыть его помог сам географический Запад, готовя интеллектуальные элиты в Сорбонне, Беркли, Гарварда или Кембридже. Не замечать этой идеологической войны нельзя. Игнорировать ее – это признать свою капитуляцию. Значит, мы должны четко определиться, что ей делать с «врагом у ворот». Мы должны четко определиться со своим цивилизационным выбором. Иначе нас также ждет неприглядное будущее клерикально-социалистического государства. Это будет, как утверждает РПЦ, «*новая эпоха построения правового государства*», новая «*система прав человека*». Знаковым отличием от эпохи советского прошлого будет то, что вместо красных звезд с серпом и молотом везде будут кресты. На них будут распяты надежды миллионов россиян, белорусов и украинцев на благополучное, счастливое будущее в Европе без границ.

В поисках Запада

Ответ на вопрос, что же такое Запад, по-прежнему стоит в повестке дня. Цивилизационный клэш XXI века, исламский фундаментализм и угрозы новых форм терроризма, рост кризисных явлений в богатых welfare state географического Запада, идеологическое противостояние РПЦ и Запада – все это заставляет нас вернуться к вопросу об идентификации Запада. Перед нами стоит серьезный вызов выработать четкое понимание, того, что мы называем Западом и определить, какие страны можно назвать западными с точки зрения ценностей, качества институтов и степени реализации прав и свобод человека.

С нашей точки зрения, концепция «Запад» включает в себя несколько фундаментов: 1) философский, 2) политический (свободная конкуренция) гражданский (права и свободы человека) 3) экономический (экономическая свобода), 4) информационный, 5) образовательный. Можно пойти по пути выделения десятков конкретных показателей или воспользоваться уже имеющимися индексами.

Аксеологический Запад – это страна или группа стран, которая является электоральной демократией со свободной конкуренцией политических партий, развитым

гражданским обществом, соблюдением прав и свобод человека, высокой степенью экономической свободы (низкие налоги, низкая инфляция, свободный вход на финансовый рынок, полностью либерализованных текущий и капитальный счет, свободный рынок труда, недискриминация импортеров, малое, прозрачное государство, конкуренция на рынке образовательных, медицинских и пенсионных услуг), свободным входом на рынок информации и наличием научного плюрализма на академическом и университетском уровне (представительство ученых, экономистов, теоретиков австрийской школы экономики, теории и философии свободы).

С политической и гражданской точки зрения Западом можно считать те страны, которые по методике Freedom House (политические права и гражданские свободы) являются свободными. Т. е. они имеют индекс от 1 до 2,5 по семибалльной шкале («1» - самые свободные, «7» - самые несвободные) В индексе на 2006 год из 192 стран свободными являются 89. В этих странах живет 3 млрд. человек (46% населения Земли). В этих странах создана система открытой политической конкуренции, соблюдения гражданских прав и свобод, а также работают независимые от государственного диктата СМИ,

В качестве показателя экономической свободы целесообразно воспользоваться индексом, который регулярно составляют САТО и Frazer Institute или Heritage Foundation. Согласно индексу экономической свободы от фонда «Наследие» в мире из 161 страны в 2006 году свободными являются 20 стран. Все они представлены в индексе от Freedom House. Напомним, что данный показатель оценивает 1) качество торговой политики, 2) размер государства, 3) степень государственного интервенционизма в экономику, 4) монетарную политику, 5) перемещение капитала и иностранные инвестиции, 6) банки и финансы, 7) оплата труда и цены, 8) права собственности, 9) государственное регулирование, 10) неформальный сектор. Итак, по двум критериям аксиологическим Западом являются следующие страны: 1) Гонконг, 2) Сингапур, 3) Ирландия, 4) Люксембург, 5) Исландия, 6) Великобритания, 7) Эстония, 8) Дания, 9) Австралия, 10) Новая Зеландия, 11) США, 12) Канада, 13) Финляндия, 14) Чили, 15) Швейцария, 16) Кипр, 17) Голландия, 18) Австрия, 19) Германия и 20) Швеция.

Есть еще один критерий, который мы можем использовать для уточнения списка стран, которые квалифицируются, как западные. Речь идет об уровне открытости внешней торговли. Фонд «Наследие» ввел следующие критерии для членства в Глобальном альянсе свободной торговли (Global Free Trade Alliance). *Свобода торговли*: страны должны проводить открытую торговую политику, иметь минимальные барьеры на импорт и минимальные субсидии отечественным производителям. Средний импортный тариф не должен быть больше 7,5% при малом числе нетарифных ограничений (квоты, лицензии и т.п.). *Свобода инвестиций*: либеральная политика в отношении перемещения капитала и инвестиций. Инвестиционный кодекс должен быть прозрачным и открытым. Иностранный капитал не должен подвергаться дискриминации.

Свобода вести бизнес (низкие регуляторные барьеры): страна должна иметь простые процедуры регистрации, лицензирования и выполнения других обязательств перед государством. *Защита прав собственности*: эффективные институты защиты прав собственности, независимый суд, доступ к информации, недискриминационное отношение к иностранным компаниям.

По всем этим критериям в Глобальный альянс свободной торговли квалифицируются следующие страны: 1) Ботсвана, 2) Кипр, 3) Дания, 4) Эстония, 5) Финляндия, 6) Гонконг, 7) Ирландия, 8) Люксембург, 9) Сингапур, 10) Великобритания, 11) США.

Поскольку регуляторное бремя и бизнес климат являются важнейшим компонентом оценки экономической свободы целесообразно использовать еще один индекс, который характеризует качественные параметры делового климата. Речь идет об индексе легкости ведения бизнеса, который разработан Всемирным банком. Первые 20 стран в этом списке – это 1) Новая Зеландия, 2) Сингапур, 3) США, 4) Канада, 5) Норвегия, 6) Австралия, 7) Гонконг, 8) Дания, 9) Великобритания, 10) Япония, 11) Ирландия, 12) Исландия, 13) Финляндия, 14) Швеция, 15) Литва, 16) Эстония, 17) Швейцария, 18) Бельгия, 19) Германия, 20) Таиланд.

С учетом этих двух факторов страны, которые подходят по четырем вышеуказанным критериям и которые можно считать западными аксеологически, это 1)

Гонконг, 2) Сингапур, 3) Ирландия, 4) Великобритания, 5) Эстония, 6) Дания, 7) США и 8) Финляндия. Таким образом, на ответ, что такое Запад, мы можем назвать эту малую группу стран. Именно они подходят под те критерии и параметры, которые мы задали для Запада. Когда из более двухсот стран Запада только восемь подходят под критерии Запада, мы имеем все основания считать его исчезающим явлением или явлением, которое ради сохранения мира, стабильности и источников благосостояния, надо занести в Красную книгу и всячески поддерживать. Если к данной группе восьми стран применить критерии философии и научного плюрализма (присутствие или доминанция в информационном, образовательном, научном поле теории и философии свободы), а также свободу перемещения людей, то данная группа еще больше сократится. Наконец, если использовать критерий свободы выбора платежного средства и право производить свое платежное средство, тогда в группу «Запад» вообще не попадет ни одна страна. Поэтому Запад, против которого так рьяно выступают современные коллективисты, на самом деле, является явным меньшинством, который, тем не менее, создает существенную долю мирового богатства, лидирует в многих технологических и научных областях.

В ПОИСКАХ ЗАПАДА

Freedom House 2006	Heritage Foundation Индекс экономической свободы 2006	Глобальный альянс свободной торговли Heritage Foundation	Индекс легкости ведения бизнеса Всемирный банк	ЗАПАД
89 стран	1) Гонконг 2) Сингапур 3) Ирландия 4) Люксембург 5) Исландия 6) Великобритания 7) Эстония 8) Дания 9) Австралия 10) Новая Зеландия 11) США 12) Канада 13) Финляндия 14) Чили, 15) Швейцария 16) Кипр 17) Голландия 18) Австрия 19) Германия 20) Швеция	1) Ботсвана 2) Кипр 3) Дания 4) Эстония 5) Финляндия 6) Гонконг 7) Ирландия 8) Люксембург 9) Сингапур 10) Великобритания 11) США	1) Новая Зеландия 2) Сингапур 3) США 4) Канада 5) Норвегия 6) Австралия 7) Гонконг 8) Дания 9) Великобритания 10) Япония 11) Ирландия 12) Исландия 13) Финляндия 14) Швеция 15) Литва 16) Эстония 17) Швейцария 18) Бельгия 19) Германия 20) Таиланд	1) Гонконг 2) Сингапур 3) Ирландия 4) Британия 5) Эстония 6) Дания 7) США 8) Финляндия

Сколько Запада на постсоветском пространстве

Россия, Украина, Беларусь и другие страны бывшего СССР далеки от стандартов аксеологического Запада. Они пошли по пути копирования основных институтов в систем Запада географического. Когда идеологи России или Беларуси выступают против Запада, они, по сути дела, выступают против своего собственного выбора трансформационных решений. Они добровольно, часто некритически приняли правила игры географического Запада, использовать свои оригинальные решения, создать институты на основе теорий австрийской школы, с учетом выводов теории общественного выбора, рациональных ожиданий полисимейкеры в посттоталитарных странах не умели, не хотели или не знали, как. Выбор сделан в пользу решений, в которых важную или ключевую роль играло государство. Это касается основных элементов экономической системы.

В области монетарной политики была скопирована монополия центрального банка, жесткий контроль над банковской и финансовой сферами. Государству были предоставлены широкие возможности манипуляции денежными инструментами ради перераспределения ресурсов или выполнения указаний исполнительной власти. В данной сфере аксеологически западным было бы решение восстановления золотого стандарта или легализация конкуренции валют (мультивалютность). Это было бы по-настоящему

российским или украинским решением. Однако постсоветские экономические и политические элиты решили копировать западный (географически) стандарт, дополнив его национальной спецификой в виде легализации целого ряда перераспределительных схем и олигополистических практик.

Постсоветские страны также слепо скопировали налоговую систему из географически западного mainstream. Россия, Украина, Беларусь, впрочем, как и страны Центральной и Восточной Европы, легко поддались на провокацию Запада (географического) и ввели у себя налог на добавленную стоимость. Они проигнорировали его природу, историю и причины введения во Франции и других странах Западной Европы, качество системы налогового администрирования, уровень налоговой и регуляторной нагрузки и уровень правовой культуры населения. Сегодня принципиальных отличий между российской, украинской или белорусской налоговыми системами и аналогами из ЕС не так много. Разница в ставках, интерпретациях таких понятий, как «издержки», «прибыль», «доход» и др., но в остальном вся Европа работает по одним лекалам, сшитым явно не на аксеологическом Западе. Налоговая нагрузка от 40% ВВП и выше, издержки выполнения обязательств перед государством – очередные 5 – 10% ВВП, размер некоммерческого сектора (монополия государства) – от 25% ВВП и больше - все это доказательства того, что постсоветские страны механически скопировали фискальную систему географического Запада. Среди национальных особенностей – закрытость бюджетных расходов, наличие льгот и преференций, дублирование функций разных госорганов и отсутствие анализа эффективности бюджетных расходов. Аксеологически западной альтернативой было бы адаптация 3 – 5 налогов с плоскими шкалами, четко определенной, однозначной налогооблагаемой базой с адекватными расходами государства в размере максимум 20 – 25% ВВП. Таким образом, претензии российских, украинских или белорусских предпринимателей на качество фискальной политики – это претензии в адрес тех полисимейкеров, которые до сих пор пользуются ярко антизападными бюджетными и налоговыми инструментами. Опять же попытки создать свою оригинальную налоговую и бюджетную политику в России, Украине или Беларуси не предпринимались даже на теоретическом уровне.

Постсоветские страны быстро научились применять западные (географически) стандарты в области торговой политики. Чиновники вооружили себя целым арсеналом инструментов, которые активно используют страны ЕС, США, Япония и другие страны ОЭСР. Экспортные и импортные таможенные пошлины, квоты, сертификация, санитарно-эпидемиологические нормы, бюджетная и административная поддержка экспортеров, импортозамещение – все эти инструменты придумали не в Москве, Киеве или Минске. Это географический Запад наработал их веками ведения торговых войн. Опять же попыток определить контуры своей оригинальной, не заимствованной торговой политики постсоветские страны не предпринимали. Жесткий протекционизм и поддержка отечественного производителя товаров и услуг не имеет ничего общего с аксеологическим Западом.

Аналогичным образом подошли реформаторы постсоветских стран к сфере социальной политики (образование, здравоохранение, рынок труда, пенсионное обеспечение, наука), сетевых секторов (так называемых естественных монополий), почты, дорог и земли. Глубоким заблуждением является утверждение, что Россия, Польша или Украина выбрали западный путь экономического развития. С точки зрения ценностей и сути Запада, полисимейкеры сознательно или по незнанию отбросили как раз те решения, которые превратили Запад в самый богатый, технологически и научно развитый и продвинутый регион мира. Социально-экономические модели, которые сегодня доминируют на постсоветском пространстве, на самом деле являются разновидностями интервенционизма дозападной эпохи. Отдельные российские и белорусские институты, объявив борьбу с Западом, на самом деле, должны бороться со своими полисимейкерами, которые до сих пор не предложили своим народам настоящую альтернативу. Страны СССР достаточно продолжительный период времени экспериментировали с тоталитаризмом и централизованной плановой экономикой. Результат получился трагичный. Сегодня Россия, Украина и Беларусь проводят еще один эксперимент – с мягкой формой социализма, созданного и разработанного на географическом Западе и легитимизированного на постсоветском пространстве национальными интеллектуальными и политическими элитами. После падения цен на

нефть результат эксперимента также станет очевидным. Почему же не бросить вызов географическому Западу и не начать создавать институты аксеологического Запада? На фоне постмодернистской Европы, углубляющегося там кризиса welfare state, такая политика выглядела бы оригинально и ново. Она была бы вкладом постсоветских интеллектуальных элит в сохранение редкого, исчезающего явления под названием «Запад».

В постсоветских странах наработан богатый эмпирический материал, чтобы внести свой вклад в развитие научных теорий аксеологического Запада. Теория бизнес цикла, проблема экономического расчета, функционирование механизма «прибыль – убытки», проблемы получения и обработки информации при принятии решений – вот лишь небольшой перечень тех тем, развитие которых позволило бы изменить научный mainstream не только на постсоветском пространстве, но и на географическом Западе.

Запад продолжает борьбу с Западом. Запад географический словно превратился в матрицу, которая клонирует сама себя и уничтожает Запад аксеологический, где бы он географически не размещался. Участники политических и интеллектуальных процессов, не говоря уже об обыкновенных людям, зачастую путают своих и чужих. Матрица научилась мимикрировать под лучших представителей своего врага. В результате люди своими руками часто голосуют и поддерживают те решения, которые ведут к ухудшению их жизни. Выиграть у Матрицы по ее правилам практически невозможно. Чтобы получить политическую, ресурсную и психологическую поддержку, необходимые новые способы идентификации, новая опознавательная система «свой – чужой». Она поможет назвать вещи своими именами. Когда процесс идентификации закончится, мы увидим, что это не Запад борется с Западом. Это интервенционисты (коллективисты, фундаменталисты, социалисты, этатисты) разных видов и мастей под самыми разными вывесками ведут ожесточенную борьбу за контроль над чужими деньгами, ресурсами, активами и жизнями.